

К КАКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПРИНАДЛЕЖАТ СТРИЖИ, К ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИЛИ МОСКОВСКОЙ?

Охотник до споров может сказать, что этот вопрос есть вопрос праздный, излишний, даже невозможный; ибо кому же неизвестно, что стрижи издают свой журнал в Петербурге, и потому принадлежат к петербургской литературе и не имеют физической возможности принадлежать к московской. Но подобное возражение против моего вопроса может показаться уместным только тому, кто смотрит на дело поверхностно, на одну материальную, наружную оболочку его, не проникая в его сущность. Люди же основательные и глубокомысленные согласятся со мною, что нашу литературу не только по ее местожительству, но и по духу, по направлению можно разделить на московскую и петербургскую. -- В самом деле, Москва и Петербург -- это две собирательные личности, до того характеристические и до того различные между собою, что этого до сих пор никто не подвергал ни малейшему сомнению. Все петербургское имеет свой характер очень резкий и ясный, равно как и на всем московском "от головы до пяток лежит особый отпечаток"; разумеется, и литература этих двух городов не составляет исключения из указанного правила; петербургская носит на себе свой характер, отличный от московского, и московская имеет на себе ясный отпечаток, непохожий на петербургский. Доказывать эти положения нет надобности, они общепризнаны как московскою, так и петербургскою стороною, и сделались почти общим местом. Но петербургское и московское, несмотря все свое различие, могут смешиваться, т. е. не соединяться химически, а механически существовать совместно; московское что-нибудь может попасть в Петербург, и наоборот, в Москве могут быть явления петербургские. Например, главный характер московских улиц есть кривая линия, петербургских же -- прямая, или в редких случаях ломаная; однако я собственными глазами видел в Петербурге кривую улицу, т. е. характеристический московский элемент, заброшенный в центр петербургского. Подобное смешение возможно, конечно, и в других областях, а следовательно и в области литературы. И если вы найдете в Петербурге литературное явление и назовете его московским, то вы таким названием ясно охарактеризуете это явление. Итак, решивши вопрос: к какой литературе принадлежит известное литературное явление, мы сделаем очень многое для характеристики этого явления и узнаем его самую существенную черту. -- Все эти соображения и побудили меня серьезно заняться вопросом: к какой литературе принадлежат стрижи, к московской или к петербургской?

Я отвечаю на этот вопрос прямо и решительно: стрижи, несмотря на свое пребывание в Петербурге, по духу принадлежат к московской литературе. И вот доказательства моей мысли. Г. Катков, представитель московской литературы, сам засвидетельствовал, что стрижи не принадлежат к петербургской литературе, одобрил стрижей и тем дал понять, что они могут быть приняты в почтенный сонм московской литературы. Никто не станет сомневаться в том, что г. Страхов есть один из главных, если не самый главный представитель стрижей; и потому все, что говорится о г. Страхове и его деятельности, вполне может быть приложено ко всем стрижам. О г. Страхове же г. Катков говорил, что он "явственно отделился от петербургской журналистики". Чем и как отделился г. Страхов от петербургской журналистики, -- это читатель уже знает из моего "Послания", где приведен вполне похвальный отзыв г. Каткова о г. Страхове. Здесь же мне остается только сделать замечание о том, как важно и непогрешимо свидетельство г. Каткова. Он ценитель очень строгий, чрезвычайно разборчивый и необыкновенно чуткий ко всему, что неодобрительно с его точки зрения; пронизательность его изумительна; как бы кто ни лицемерил, ни скрывался, он все пронюхает, разоблачит и обличит. Бывали вещи с виду совершенно прекрасные, и все думали, что г. Катков их одобрит, но он с удивительною чуткостью и прозрением умел найти и указать самые мрачные пятна даже в этих вещах. Даже в сочинениях Шедо-Ферроти, этого знаменитого публициста, которого все считали безупречным, г. Катков нашел стороны ужасные, заслуживающие всякого упрека, порицания и обличения. Из этого можно видеть, что уж если г. Катков похвалил кого-нибудь, тот, значит, вполне заслуживает его похвалы, если он кого-нибудь принял на свою сторону, в почтенный круг московской журналистики, то сделал это после самого тщательного рассмотрения и испытания выбранного, и, значит, выбранный вполне надежен, несомненен, и достоин с его точки зрения, и не имеет ни малейшего пятнышка, не нравящегося г. Каткову, иначе он сейчас же увидел бы это пятнышко, как бы оно ни было замаскировано. На этом основании я придаю важное значение свидетельству г. Каткова о стрижах; уж если он похвалил их, отделил от петербургской литературы и удостоил принять в свою московскую, то, значит, он вполне доволен стрижами, они угодили ему, и он вполне полагается на них. Очень лестно для стрижей!